

ЗВЕЗДА ВАСИЛИЯ БЕЛОВА

В конце июня 1987 года — в самый разгар перестройки — я летел из Москвы в Вологду. Был доволен, что наконец подзагрузился живой работой по-настоящему. Разбирался, что из себя представляют первые секретари обкомов, проработавшие в этих должностях по десятку и более лет, как действуют партийные комитеты — в качестве хозяйственных или уже политических органов, хорошо ли подготовлено пополнение, идущее в партию. До этого, в начале двадцатых чисел, летал в Псков. В мае — в Сыктывкар и Воркуту. А немногим раньше — в Ленинград и Ташкент. Обуревали новые заботы. Что ни говорите, а вначале перестройку приняли всерьез!

И всякий раз, куда бы ни летел, кто бы ни оказывался попутчиком, и о чем бы ни заходила речь, в конце концов обращались к самому в ту пору жизненному и болезненному — чем торгуют, в достатке ли продуктов, прежде всего мяса, молока, масла. Редкие города обеспечивались ими в годы правления Горбачева сносно, продукты стали предметом большой политики и именно этот период вспоминают теперь, когда надо доказать нежизнеспособность социализма.

Годом раньше летал в Пермь готовить вопрос о работе обкома партии на Политбюро ЦК, отчет о выполнении решений XXVI съезда КПСС. Больше миллиона жителей. Крупнейшие предприятия. И никудышнее снабжение. В продовольственных магазинах хоть шаром покати: ни мяса, ни молока. Побывал в одном, другом, пятом, десятом. Сказал об этом Б.В.Коноплеву, первому секретарю обкома, много вложившему в развитие промышленного потенциала области и порядком подзапустившему село. Он занервничал, поехал со мной по магазинам. Показывал на розоватое месиво — фарш — и, понизив голос, урезонивал: «А вы говорите, нет мяса...»

Хмурая очередь смотрела на нас как на сукиных сынов. Но еще помалкивала. Мы свернули ту поездку: я понял — положение безвыходное, было стыдно не только мне, но и не меньше Коноплеву.

И теперь, при полете в Вологду, оказавшись рядом с соседкой — молодой изящной женщиной с копной льняных волос, пристегнувшей себя

вместе с трехлетней безмятежно заснувшей дочкой, спросил, как снабжается Ижевск, откуда они летели на родину.

«Не худо, — сказала она. — Масло и колбаса, правда, по талонам. Но всегда есть. Все другое: сметана, творог, молоко — постоянно и беспрепятственно в продаже». — «Хуже или лучше там жизнь, чем в Вологде?» — «Думаю, получше. Но зачем сравнивать?» — возразила она. — Не в одной пище дело. Лечу к маме. — И добавила с оттенком горечи в голосе: — Два года уже не живу дома, уехала после института... Книжку Василия Ивановича, чтобы не забыть свои обычаи и язык, вовсе затерхала». — И в доказательство достала знаменитый «Лад» Белова.

Для себя я выделил Вологду, как город необыкновенный, с истинно русской культурой. И прежде всего потому, что знал и любил все, что писали Александр Яшин и Николай Рубцов.

Весной семьдесят шестого пошел на вечер в клуб ЦК на Старой площади, узнав, что будет выступать Сергей Орлов, стихи которого часто крутились в памяти с тех самых пор, как прочитал:

«Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат...»

Рядом со мной оказались коллеги, не знавшие ни этих стихов, ни самого поэта, и встретили Орлова более чем скептически: «Бороду отрастил, модничает...» — бородатые тогда были редкостью. Орлов сказал, что прочитает в первый раз только что написанное стихотворение. И прочел:

Когда это будет, не знаю,
В краю белоногих берез
Победу Девятого мая
Отпразднуют люди без слез.
Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны,
И выедет к армии маршал,
Не видевший этой войны.
И мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют,
Какие там сказки расскажут
И песни какие споют.

Первыми зааплодировали мои скептики. А когда я сказал, что борода у Орлова не для моды, он горел в танке и скрывает обгоревшее лицо, в один голос спросили: «А вы не знаете, что он еще написал?» И я был несказанно обрадован, когда, прочитав им про солдата, зарытого в шар земной, услышал изумленное: «Слушайте, да это настоящий поэт!»

*Вот он, неукротимый, подлинно беловский характер!
На снимке также Валентин Распутин и Петр Проскурин.*

А какая же Вологда без Василия Белова! Его «Привычного дела», «Канунов», изумительных рассказов, того же, подаренного мне вологодскими делегатами одного из партийных съездов «Лада». Всматриваясь в его зрелый портрет, я про себя отмечал, что таким, как на фотографии, и должен быть создатель столь неординарных вещей, подлинной классики — крупная, может быть, даже тургеневского склада фигура, пушистая, окладистая борода, огромный лоб.

Однако первая встреча была мимолетной и разочаровывающей. Тогда я приезжал в Вологду, чтобы выполнить поручение Политбюро ЦК — предложить вологодским коммунистам поддержать просьбу А.С. Дрыгина — освободить его от должности первого секретаря обкома. Человек редкой биографии, ушедший на фронт Отечественной рядовым, он вернулся с войны полковником, награжденным орденом Суворова. На высоком партийном посту проработал без малого четверть века, стал прихварывать, и настала пора уходить на отдых. Анатолия Семеновича сменил В.А.Купцов — из нового поколения, инженер, прошедший жизненные университеты на Череповецком металлургическом комбинате и сполна вкусивший «партийного хлеба» в Череповце и областном центре.

После пленума зашли в буфет попить чаю. Время было антиалкогольное, и на столах ни одной рюмки. По моей просьбе пригласили Белова, участвовавшего в работе пленума. И тут вся сочиненная мною сказка на глазах рассыпалась. Белов — невысокого роста, с седой бородкой. Какой там Тургенев! Стесняясь, тербит, будто с холоду, руки. Обыденный разговор на злобу дня — о борьбе с пьянством. Василий Иванович отделился от своих книг. Как я ни пытался собрать их в голове в единое целое — не получалось: все его творчество представлялось созданным вовсе другим человеком. А этому куда там, совсем не под силу и такие матерые характеры! И страсти! И прекрасный русский язык! Чудеса да и только!

В другой раз, уже в Москве, в 1980 году, помог Белову, возвращавшемуся с женой Ольгой Сергеевной и дочерью Анной откуда-то с юга, приобрести билеты на международную летнюю Олимпиаду, ту самую, с летающим в небе Мишкой под музыку Александры Пахмутовой. В Лужниках посмотрел на праздничный московский народ, заполонивший трибуны, на неиствующих на сцене артистов, вспомнил Белова, и представился он жалким на этом торжище, в сонме городской публики: нет ей никакого дела ни до Вологды, ни до его любимой, родной Тимонихи, где жил самый близкий ему человек — его мать.

И вот снова лечу в Вологду. Придется побывать во многих местах. Я понял это еще в Москве, после телефонного разговора с Купцовым, который пробыл первым уже несколько месяцев и хотел, чтобы сторонний взгляд — мне он тогда доверял и с моим мнением считался — оценил сделанное и намеченное.

(Кстати, изо всех первых секретарей знаю одного Купцова, кто бы, отправляясь в отпуск, заехал в ЦК, чтобы посоветоваться, какие книги по партийной тематике взять с собой, над чем на досуге поработать. Мы тогда это высоко оценили).

Лето, как обычно в этих краях, выдалось дождливым, дороги развезло, ни пройти, ни проехать, и единственным надежным средством передвижения мог быть только вертолет. С «Як-40» — в вертолет. И замелькали опустевшие деревни. Побыли в сельских районах, на хуторах, в Череповце целый день провели на крупнейшей пущенной года полтора назад домне и на заводе аммофоски, потом у военных, учителей. И никогда не вытряхну из памяти: привольная река, три десятка старых, поразительной красоты церквушек, по большей части занятых под хозяйственную утварь, — Великий Устюг с чудесным серебряным промыслом! Километров за шестьсот от областного центра. Проехал пол-Европы, но ни один подобный небольшой городок не оставил столь дивного впечатления!

Все еще было в руках партии. О разделении функций партийных и государственных органов много говорилось, но мало делалось. Всюду что-то просили решить, что-то хотели показать, о чем-то посоветоваться. И всюду не обходилось без того, чтобы кто-нибудь не вспомнил Василия Ивановича. Именно так, как о популярнейшем в советские годы Чапаеве, говорили о Белове: «Василий Иванович написал...», «Василий Иванович сказал...», «Василий Иванович приезжал...». Правда, только нигде ни одного анекдота про него — не в пример тезке.

Скоро я для себя отметил: необычно склонными к литературе и искусству, понимающими, как важно писательское наблюдение, оказались и сам Купцов, и многие его соратники. Работник обкома с радостным чувством — о том, как строго, по-деловому и серьезно общались Белов и Шукшин: «Приедет Василий Макарович, походят они часа три у реки, что-то обсудят, и тот — уедет». Другой — что бережно хранит экземпляр сценария кинофильма «Калина красная», снимавшегося в этих местах, с автографами автора и артистов. И уж совсем немислимое: второй секретарь обкома М.Ф.Сычев вызвался съездить со мной в Феропонтово и Кирилло-Белозерский монастырь, и всю многокилометровую дорогу — туда и обратно, и пребывая там, — рассказывал об их истории, создателях, тонкостях архитектуры, запечатленных сюжетах... Это секретарь-то по сельскому хозяйству!

А нас выстраивают на одну колодку: «Чурки!»

В этот раз накануне моего отъезда Купцов пригласил в гостиницу Белова. Пошли ужинать. Василий Иванович дал зарок (и держал его неотступно) не брать в рот хмельного. Что бы ни ел — мясо, рыбу, грибы, помидоры — ел экономно и убористо, похваливая так, что чувствовалось: знает толк в здоровой деревенской нише.

С Василием Беловым и В.А.Кутцовым — первым секретарем Вологодского обкома на XXVI съезде КПСС.

Говорили о наболевшем. Белов вспомнил Руста, приземлившегося рядом с Красной площадью. «Позор-то какой! — покачал головой. — До-руководились. Горбачев — в Германию, а немецкий мальчишка — к нам».

Посетовал, что никак не «пробьет» издательство для Вологодской и соседних областей. Послал письмо секретарю ЦК, тот даже не ответил, а письмо «спустил по инстанциям».

Заговорили об увиденном и узнанном мною. Белову все было интересно и знакомо.

О развернувшемся строительстве жилья в одном селе: «Что ж, это естественно, секретарь райкома вызвался построить себе дом и сразу пол-села потянулось за ним. Значит, никто село не тронет. Не объявит его неперспективным. Как это сделано с другими по области. И не только по нашей — по всей России-матушке».

О том, что многие села совсем заплошали: «Ленинград, Мурманск, другие крупные города высосали сотни тысяч парней и девчат. Когда же и у кого начнет болеть голова о деревне?»

В подробностях, со знанием дела — о том, что на многих предприятиях плохо с механизацией и работать становится все труднее. А в Великом Устюге другая беда: теряют много на серебре, оно перестает цениться.

Уходя, Белов заметил: «Крестьянские приметы ухудшение погоды предвещают. Но завтра будет хорошее утро. Я хочу, чтобы вы увидели только что открытый памятник Константину Николаевичу Батюшкову».

На другой день, едва обутрело, мы уже были возле чудеснейшего Софийского собора. Через каждый час отсюда, с колокольни, до окраин разносится малиновый звон. В один из приездов я поднимался по высокой деревянной лестнице на площадку колокольни, откуда весь город, как на ладони, — во всей своей красоте.

А красив он невероятно!

И так вписался в него памятник Батюшкову — один из лучших созданных Вячеславом Клыковым!

(Клыков, позже, при встрече, так объяснил свой замысел: «Батюшков большую часть жизни провел в военных походах. А между ними приезжал в Вологду. И вот он приехал, чтобы отжаться поэзии, смотрит на родной город, а с ним рядом боевой конь, склонивший голову перед родной поэта»).

Заговорили с Беловым о других знаменитых вологжанях — Семене Дежневе, Ерофее Хабарове, Владимире Атласове — о тех, кто осваивал Сибирь, Дальний Восток, Аляску.

«Наши вон куда замахивались!» — погордился Белов. А потом показал, где улица Николая Рубцова, а где — Александра Яшина и Сергея Орлова.

Нельзя было не почувствовать, как мудр и глубок этот человек, хотя он и не спешил раскрывать душу нараспашку. Как, впрочем, и при первых встречах, и при дальнейшем общении не позволял себе этого. Внешне Василий Иванович оказался весьма выразительным: лоб высокий, глаза яркие и цепкие и борода великолепная, пушистая, и полная очарования, точности и красоты речь — даже когда разговор идет о самых будничных, прозаических вещах.

Договорились с Купцовым всячески поддерживать писателя, ввести его в большую политику, чтобы на многое в жизни он смог смотреть с разных сторон и высот. И я радовался, встречая все чаще и чаще выступления Белова в печати: то в защиту крестьянства, то против переброса северных рек на юг... «Однажды Распутин мне рассказывал, — читаю у Владимира Крушина, — как они пошли к Горбачеву еще в те далекие

времена, причем по настоянию Белова. Горбачев их принял... Белов шел говорить об Успенском соборе, о земельных реформах... Ведь это же преступление — торговать землей! Он приходит и говорит:

— Что это у вас дверь так тяжело открывается, то-то к вам никому не попасть! — И отчитал Горбачева».

Наша с Купцовым договоренность от Василия Ивановича не ускользнула. Его избрали делегатом одного из партийных съездов, он стал Народным депутатом СССР. На депутатском съезде Белов, рассказав мне о своих поездках в США и Японию, заметил: «Это я с вашей, Николай Стефанович, руки приобщаюсь к политике». И коротко хохотнул. То ли довольно, то ли с горчинкой. Во всяком случае, с подтекстом.

В репортаже из Государственной Думы России об обсуждении импичмента президенту Ельцину корреспондент Центрального телевидения сообщил, что на ее заседании «выступил какой-то неизвестный писатель». Было видно: не ерничает, просто откровенно демонстрирует свою «эрудицию». «Неизвестным писателем» был тот, о ком Георгий Свиридов в своих мемуарах «Музыка как судьба» писал как «о возвышенно-поэтическом», в ком, наряду с другими крупнейшими отечественными писателями, считает он, большая национальная мысль находит себе сильное творческое выражение. «Они — украшение сегодняшней нашей литературы», — считал великий композитор.

*Всяк в своей роли: Василий Белов слушает и вдумывается,
Виктор Астафьев уже комментирует.*